

ПРАГМАТИКА СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА КАЛУЖНИКОВА

(Уральская государственная консерватория им. М.П. Мусоргского:
Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 26)

Аннотация. В данной статье обозначены некоторые аспекты прагматики свадебных причитаний Среднего Урала: а) прагматическая установка (воспроизведение предписываемого традицией хода вещей, получение желаемого результата) и доминантная функция жанра (маркирование начальных этапов переходов невесты, знаменующих ее символическое умирание в прежнем состоянии и статусе); б) деятельность субъекта (субъектов) по воспроизведению, интерпретации и восприятию причитаний (девушки и женщины как исполнители групповой причеты, невеста, ее мать и наемная плакальщица как исполнители индивидуальных плачей); в) соотношение функции и семантики музыкально-стихотворных текстов (поэтические образы преимущественно деструктивного характера; аскетичные медленные вращательные напевы групповых причитаний; экспрессивные индивидуальные голошения, восходящие к речевому плачу); г) контексты: ментальный, где проявляется смысловая связь причитаний с ключевыми концептами традиционной картины мира и отражаются определенные точки зрения субъектов высказываний; социальный, дающий представление о половозрастном, родственном составе и общественном положении действующих лиц ритуала; коммуникативный, предусматривающий характеристику участников обрядового контакта, реализуемой в нем коммуникационной модели и типа исполнительского общения; д) этнографические ситуации функционирования (координация причитаний с определенными кодами, семантическими линиями, фазами, эпизодами ритуала). Автор полагает, что наблюдения, полученные на материале свадебных причитаний, могут быть использованы при изучении прагматики разных жанров обрядового вокального фольклора.

Ключевые слова: свадебные причитания, прагматическая установка, функция, семантика, контексты, этнографические ситуации функционирования.

В последнее время различные фольклорные явления все чаще рассматриваются с семиотических позиций, для чего исследователи обращаются к понятию «текст». Признавая такой подход продуктивным, заметим, однако, что применительно к устно бытующим музыкально-поэтическим текстам он требует специального методологического обоснования и проверки на разном региональном и жанровом материале.

Как известно, сущностные признаки текста фокусируются в трех его сторонах — семантике, синтактике и прагматике. Семантика дает представление о характерном для текста поле значений, синтактика — о его структуре, прагматика — об отношениях между текстом и теми, кто его использует, воспринимает, интерпретирует. В настоящей статье ставится задача очертить наиболее важные аспекты в изучении прагматики

свадебных причитаний, бытующих у русских на Среднем Урале.

Устанавливая связи между текстом и индивидом (индивидами), прагматика тем самым включает этот текст в сферу человеческой деятельности. В деятельностном поле происходит взаимодействие субъектов либо социальных групп, направленное на достижение конкретных целей, протекающее в условиях определенных контекстов и предполагающее обмен информацией, опытом, артефактами [Деятельность 1990]. Из указанного вытекает, что изучение избранного обрядового жанра в обозначенном ракурсе должно дать ответы на вопросы: кем, с какой целью, когда, где, каким образом воспроизводятся и интерпретируются музыкально-поэтические тексты; кому они предназначаются; какие схемы коммуникации при этом реализуются и т.п.

Хотя перечисленные вопросы с разной степенью подробности затрагиваются во многих трудах, специальное внимание уделено им только в монографии С.Б. Адоньевой «Прагматика фольклора»¹. Опираясь на теорию высказывания М.М. Бахтина [Бахтин 1997], автор трактует фольклор как одну из форм речевой деятельности в широком истолковании этого понятия, а фольклорный текст — как законченное высказывание [Адоньева 2004, 4–7, 11, 12, 18–21, 47]. Данная установка, а также некоторые другие позиции более частного порядка² составляют методологическую базу настоящей работы.

В обрядовой системе среднеуральской русской традиции свадебные причитания занимают особое место благодаря сохранности в их поэзии элементов мифологической картины мира, а в напевах — признаков раннетрадиционного музыкального мышления. С точки зрения прагматики существенно разделение причети на групповую и индивидуальную, что осмыслено

носителями традиционной культуры и отражено в местной жанровой терминологии. По отношению к коллективным причитаниям употребляется термин *песня*, применительно к голошениям, которые поются девушками при обходе дворов и сборе продуктов, — лексемы *смитли*, *сметли* (от начального стиха «Сметь ли, сметь ли, родна тётушка...»). Глаголами *петь*, *выть*, *привывать* и словосочетанием *взвывать в голос* обозначается исполнение подобных причитаний: «А пели “Приутихните, гуси, на море...” — вот эту песню обязательно пели, даже свадьба едет, и то пели её. <...> Все девки пели, все» (Зап. от Анны Хрисантьевны Колташовой, 1904 г.р., д. Колташи, Черемисский с/с, Режевской р-н, Свердловская обл. Соб. Т.И. Калужникова, Т.А. Дмитриева, О.И. Шилова. 1987 г.) [ФА КНМ УГК. Ф. Режевской район — 1987. № 4. Кассета 76].

Индивидуальные (сольные) плачи, бытующие в двух формах — речитативной и напевной, в обоих случаях называются *причитаниями* либо *причётами*. Процесс воспроизведения речитативных сольных голошений вербализуется через предикатные формы *причитать*, *реветь*, *вопить*, а также выражение в *голос наговаривать*, слова *причитать* либо *петь* относятся к артикуляции напевных.

Причитая соло, певица зачастую производит движения (битье о стол, вереву, могилу), которым соответствуют термины *хлестаться*, *хрястаться*, *стукаться о стол*. На среднеуральских землях распространено также интонирование сольного голошения одновременно с групповым, что запечатлено в выражении: «Девки поют, а невеста прищипаёт».

При рассмотрении прагматики фольклорного текста базовое значение имеет определение его ведущей *целевой* или *прагматической установки*³. Применительно к обрядовым текстам Н.И. Коноваловой

¹ Наряду с общетеоретическими вопросами, большой интерес представляют изложенные в книге наблюдения автора о прагматике севернорусских причитаний.

² Они сформулированы, в частности, в исследованиях: [Байбурин 1993; Коновалова 2007; Левинтон 1991; Якобсон 1975].

³ С.М. Толстая считает цель обрядового текста неоднозначной и многослойной. По мнению исследователя, такая цель имеет несколько моделей: «Это может быть буквальная, прямая цель, выраженная в тексте и предопределенная его формой (например, благопожелание), внутриобрядовая цель (например, получение вознаграждения за благопожелание и исполнение колядок), более отдаленная цель (обеспечение урожая и приплода скота, исцеление от болезни, оберег от злых сил) и, наконец, некая высшая цель (сохранение общего благополучия и мирового порядка)» [Толстая 1992, 36].

выделен следующий набор целевых установок: достижение желаемого результата; исполнение закрепленного традицией хода вещей; предсказание, прогноз; защита от возможных бед; устранение недолжного хода событий; предостережение, устрашение [Коновалова 2007, 92–98].

Прагматические установки свадебных причитаний и свадебного фольклора в целом состоят в исполнении предписываемого традицией хода вещей и получении желаемого результата. Факт, что включенные в обряд музыкально-поэтические тексты способствуют, наряду с другими элементами действия, воспроизведению традиционных норм, не требует доказательств. При любом отношении к своему будущему супругу невеста должна на свадьбе причитать, поскольку так издавна заведено. Даже если брак не является желанным для одной из семей, оба рода обязательно устраивают совместные застолья, подруги невесты величают представителей жениховой общины, а на пиру у новобрачного поют величания молодым и всем гостям, соблюдая принятый порядок.

Реализацией второй установки являются основные итоги свадьбы: во-первых, это осуществление инициационных переходов невесты, жениха, пары «жених и невеста/молодые», межродового перехода невесты, во-вторых — оформление родственных отношений между двумя семьями в ходе магического взаимообмена, в-третьих — приобретение основными участниками обряда новых социальных ролей (невеста и жених становятся молодыми, невестины родители для жениха — тестем и тещей, жениховы родители для невесты — свекром и свекровью и т.д.).

Общую прагматическую установку текста возможно конкретизировать, установив его доминантную *функцию*⁴. Для этого целесообразно принять во внимание комплекс средств выражения, с которым данный текст ситуативно и смыслово координируется (эпизод и фаза ритуала, словесные символы, действия, пространство, время, предметные атрибуты и др.).

Основной функцией свадебных причитаний является маркирование начальных

этапов «вертикального» (из группы девушек в группу замужних женщин) и «горизонтального» (из своего рода / локуса в чужой род / локус) переходов невесты, в символическом плане знаменующих умирание героини действия, а в бытийном связанных с утратой ею исходной социальной позиции и изменением прежнего набора стереотипов поведения. «Такое психологическое изменение, — пишет С. Б. Адоньева, — предполагает деструктивную фазу — взрыв, чреватый разрушением внутренней идентичности личности. Представляется, что одна из функций переходного ритуала как социальной процедуры состоит в том, чтобы преобразовывать (превращать) одну проекцию жизни в другую в соответствии с перемещением человека от одного к другому социально фиксированному положению» [Адоньева 2004, 195].

Просматриваются связи между функцией и семантикой (словесной и интонационной) причетных текстов. Характерно, что в их поэтической сфере доминируют символические образы с чертами разрушения, деструкции: таковы заливаемый водой терем, расплетенная девичья коса, улетевшая либо сторевшая красота и др.: «Заливалася вода вёшная, да, / Что-то ко тятеньке на широкой двор, да, / Что-то ко мамоньке в новую горенку, да, / Ко мне, горькою, за занавесу, да. / Подмочила ручки белыё, да, / Закричало да ретиво серсо, да...» [Калужникова 2013, ч. I, № 27]; «Да что да сгорела да девья да красота, да, / У... улетела да девья да красота, да, / Что да за лесы да лесы да тёмныё, да, / Что да за горы, горы вы... вы... выскокиё» [Там же, № 57].

Упомянутые в причитаниях символические действия связаны с мотивами потери героиней ритуала признаков исходного состояния и пребывания в пограничной ситуации (как уже было отмечено, эти идеи составляют стержень функциональности причитаний): девья красота улетает, уходит от невесты, ее уносят ветры, девушки ее сжигают, невеста дарит красоту подругам; невесте расплетают косу; во время окручивания дружка подпаливает молодой русые кудри, после

⁴ В фольклористике теория жанровых функций с достаточной полнотой и аргументацией пока не разработана, поэтому, как справедливо подчеркивает С. Б. Адоньева, «...определение функциональных характеристик конкретного фольклорного высказывания должно стать результатом специального анализа» [Адоньева 2004, 34].

чего они начинают бояться света белого, всего мира крещеного; вешняя вода заливает терем и мочит невестины ножки резвые, ручки белые; звезда падает с неба, когда родители дают согласие на брак дочери; отец и мать отказывают невесте от хлеба-соли и т.п.

Несколько иначе — на ассоциативном уровне — корреспондирует с функцией причитаний семантика их напевов. Мелодии групповой причети вызывают ассоциации с непрерывным стесненным движением в замкнутом пространстве, рождают ощущение строгой регламентированности звуковых высказываний и свойственного им надличностного, принуждающего, свыше установленного, сакрального характера. Этому способствуют тембровые особенности «вытья» («матовый», «темный» звук, невысокий уровень громкости, сдержанная, внутренне сосредоточенная манера звуковедения), его стабильная ритмическая организация, умеренные и медленные темпы, доминирование узких интервалов и вращательных мелодических рисунков. Такое многократно повторяющееся звуковое круговращение создает и суггестивный эффект — качество, органично присущее обрядовому интонированию.

Индивидуальные причитания в интонационном отношении восходят к речевому плачу, причем в речитативных такая связь выражена достаточно явно, в напевных — в опосредованной форме. Для речитативных голошений характерен непериодичный временной план, отражающий неравномерность дыхания причитающей. Они содержат яркую плачевую составляющую в тембре, произносятся в манере аффективной возбужденной речи: громко, напряженно, имеют высокую тесситуру (верхний участок первой — вторая октавы), нередко включают возгласы, всхлипывания. Индивидуальной напевной причети, интонируемой умеренногромко в достаточно низкой тесситуре (верхний участок малой октавы — нижний участок первой), свойственна более сдержанная в эмоциональном отношении мелодизированная декламация, которая приближается

к повествовательно-речевому звукообразованию, но отличается от него присутствием плачевой краски в тембровой палитре. Аналогичным образом произносятся похоронные причетные напевы, нередко звучащие на сиротских свадьбах.

Не менее значимы **контексты**, куда включены устно бытующие тексты. С.Б. Адоньева предлагает учитывать три таких контекста: ментальный, социальный и коммуникативный [Адоньева 2004, 18, 19].

Ментальный контекст задается традиционной картиной мира — системой представлений и верований об устройстве мира, природных стихиях, мифологических персонажах, категориях времени и пространства, круге запретов и предписаний. С учетом этого контекста формируются общие прагматические установки и конкретные функции каждого текста, актуальные для определенного эпизода, семантической линии и фазы ритуала⁵.

В среднеуральской свадьбе причитания звучат только в начальных фазах двух семантических линий, отмечающих инициационный и социально-родовой переходы невесты. Существенно, что во всех ситуациях причет образует ансамбли с теми или иными обрядовыми кодами. Так, к числу действий, с которыми она устойчиво соотносится, принадлежат акции, символизирующие утрату героиней ритуала признаков девичества и отмечающие ее отчуждение от возрастной группы девушек, своего рода и локуса (дарение лент подругам, расплетение косы, отказ от хлеба-соли и т.п.).

Зонами ритуального пространства, где исполняется «вытьё», являются: горница в доме невесты, а в ней — куть (угол возле печи), места перед божницей, за столом, у невестиной постели; дорога от избы к бане; участки под окном и за воротами невестиного дома; территория у ворот домов родственников. Очевидно, что пространственная сфера звучания голошений семантически неоднородна: с одной стороны, она включает зоны внутри жилища (куть, горница), с другой — места за его пределами (у окна, у ворот, на дороге). Благодаря этому в сценах, где локативный

⁵ Рассмотрению связей функции и семантики причитаний с традиционной картиной мира посвящены многие исследования, базирующиеся на разном материале. См., в частности: [Калужникова 2013; Калужная 2008; Колесницкая, Телегина 1977; Невская 1990; Толстая 2010 и др.].

код объединяется с причитаниями, фиксируется отторжение невесты от прежней среды обитания, принадлежащей «своему» миру, и одновременно отмечается вступление девушки в череду границ, ведущую в мир «иной». Существенно, что причеть не пересекает этих границ и не вторгается на «чужую» территорию, оставляя героиню ритуала в деструктивном состоянии внутренней диссоциации (символической смерти).

Достаточно продолжительно время исполнения «вытья», охватывающее период от просватанья до благословения к венцу (он длится от десяти и более дней). В суточном цикле причетью озвучены три фазы: утро (бужение невесты, сжигание красоты, дарение лент подругам, отказ от хлеба-соли), день (приезд в дом невесты дружки и подружья, прибытие поезжан, расплетение косы, прощание невесты с домом, родственниками, девушками, подготовка к благословению) и вечер (просватанье, обручение). «Вытьё» зорь и банный ритуал могут совершаться как в утреннюю, так и в вечернюю пору.

Среди предметных атрибутов, принадлежащих к рассматриваемому семантическому комплексу, представлены: лента, свеча перед иконой, ложка и тарелка, разбиваемые девушкой во время отказа от хлеба-соли, шаль, которой покрывают ее голову после расплетения косы.

В соответствии с традиционным осмыслением свадьбы в русле мифологических оппозиций «смерть — новое рождение» и «свой — чужой» каждому участнику (или группе участников) ритуала сообразно его роли и социальным функциям по отношению к главным персонажам предписывается та или иная точка зрения⁶ на обрядовые события и сообщения, заключенные в фольклорных текстах. Взгляды участников действия на брак отражены в разных кодах, особенно разносторонне — в вербальном.

Обращаясь к рассмотрению точек зрения, которые запечатлены в причетных

поэтических текстах, подчеркнем, что причитание — жанр, построенный и воспринимаемый прежде всего как выражение отношения невесты к «своим» и «чужим», их роли в развертывании ритуального «сценария».

Так, оценка невестой отца во многом определяется его ведущей ролью в заключении союза с семьей жениха. С родимым батюшкой в причети соотносятся мотивы согласия на брак дочери и отказа ей от хлеба-соли, вывода девушки из кути и вручения ее чужому чуженину. Символическое умирание героини ритуала, зафиксированное в мотивах и действиях, которые отмечают расторжение ее связей с прежним состоянием, — реакция на действия отца. Этот персонаж не имеет собственных фольклорных высказываний, он лишь косвенно характеризуется в словесных текстах, произносимых от лица невесты. Основная форма обращения дочери к отцу — слезная просьба: девушка с плачем просит тятеньку, чтобы он не затепливал свечи воску ярого, чтобы выкупил ее из-за дубового стола, чтобы не выпивал чару зелена вина, не пропивал ее буйную голову, и т.п.: *«Ой, ой да, не вста... ой да, не вставай-ка ты, роди... ох, родимой батюшка, о ой да, / Со ду... ой да, со дубовой новой ла... ой да, новой лавочки, ой да, / Не бе... ой да, не бери-ка ты да ча... ох да, чару золоту, ой да, / Чару зо... ой да, чару золоту да с зе... ой да, с зеленым вином, ой да. / Не ви... ой да, не вино ты пьёшь, роди... ох, родимой батюшка, ой да, / Что мо... ой да, что мои-то ли да го... ой да, горючи слёзы»* [Калужникова 2013, ч. I, № 110].

Мать в восприятии дочери — представительница родственного женского сообщества (к тому же сообществу принадлежит и невестина крестная), в отличие от отца, участвующая в исполнении обрядовых вокальных текстов (сольные причитания). С родимой мамонькой девушка связана узами не только кровного, но и душевного родства (невеста жалуется ей, как тошнехонько идти на

⁶ На материале произведений художественной литературы названную проблему специально исследует Б. А. Успенский. Ученым выделены четыре типа точек зрения, которые относятся к «плану идеологии», «плану фразеологии», «плану пространственно-временной характеристики» и «плану психологии» [Успенский 1995, 9, 48, 80, 81, 108, 133]. Как кажется, сформулированные ученым положения с известными коррективами могут быть применены и к анализу свадебного фольклора. К этому побуждает, в частности, мысль Г. А. Левинтона о столкновении в свадьбе двух взглядов, запечатленных в «мужском» и «женском» текстах обряда [Левинтон 1991].

чужую сторону, просит ее посмотреть на девью красоту, что вьется среди дубовых столов).

В отношении к подругам доминирует позитивное начало. Напомним, что именно девушки исполняют до венца основной круг фольклорных текстов, выражающих точку зрения героини ритуала. Но и их она корит за то, что сожгли ее красоту и поддались на угощения и уговоры княжьей свашеньки, разрешив ей расплести трубочку косу.

Позиция невесты-сироты, касающаяся умерших родителей, заключена в двух ведущих мотивах: а) девушка горюет об ушедших из жизни близких, оставивших ее одинокой и беззащитной; б) она просит у родимого тятеньки и родимой мамоньки заочного благословения на брак: *«Накатитесь, тучи чёрныё, / Ты роздайся, да ты, ой, великий гром, / Росступися, да мать сыра земля, / Росколися, да гробова доска, / Вы откройтеся, белыё саваны, / Вы откройтеся, очи ясныё. / Бласлови-ко меня, родима мамонька, / На чужую на дальнюю сторону, / На злодейку да незнако[мую]»* [Калужникова 2013, ч. I, № 43].

Из жениховой общины в причитаниях показаны жених, его сваха, дружка, поезжане (надо заметить, что все они лишены собственных фольклорных высказываний). Для невесты это персонажи-антагонисты, «чужие», являющиеся инициаторами ее преобразования-диссоциации и активно участвующие в названном процессе. Неслучайно отличительным признаком их поведения девушка считает разного рода разрушительные действия.

При определении *социального контекста* функционирования обрядовых текстов уместно напомнить мысль И. И. Земцовского о том, что социальное предстает в музыке устной традиции двояким образом: как внутреннее качество, обусловленное самой природой ее интонационного словаря, и как внешнее начало, соотносящееся с разными сторонами бытования фольклора [Земцовский 1981]. Бесспорно, со сферой прагматики наиболее непосредственно связан второй аспект.

Применительно к свадебному ритуалу он предусматривает характеристику участников обрядовых акций (в том числе и исполнителей музыкально-поэтического текста) со стороны их количественного состава, пола, возраста (принадлежность

к той либо иной возрастной страте сообщества), отношения к центральному персонажу (отец, мать, крестная, подруга; старший — младший, занимающий более высокое — менее высокое положение и т.п.), обрядового «чина» (например, тысяцкий, дружка) и предписываемого ему поведения. Каждый участник свадьбы наделяется определенными обрядовыми функциями, реализация которых способствует раскрытию генеральной идеи ритуала. Соответственно этим функциям все действующие лица свадьбы образуют несколько оппозиций: «главные — второстепенные», «иницируемые — иницирующие», «свои — чужие», «отдающие — получающие» [Адоньева 2004; Байбурин 1993; Левинтон 1991].

В оппозиции «главные — второстепенные» бросается в глаза специфичность первых, проявляющаяся в их подчеркнутой пассивности, недееспособности, особенно заметной в действиях невесты. Это дает основание А. К. Байбурину говорить о них «не только как о субъектах, но и как об объектах ритуала, над которыми он и совершается» [Байбурин 1993, 197].

Свадьбе, относящейся к числу обрядов перехода, присуще разделение участников на «иницируемых» и «иницирующих». Первые — это лиминальные персоны (невеста и жених), вторые — те, кто осуществляет их посвящение. Характерно, что исполнителями основной массы фольклорных текстов являются иницирующие, в то время как иницируемые либо вовсе лишены собственных высказываний (жених), либо оперируют узким кругом текстов (сольные плачи у невесты).

Успешной реализации посвячительной установки обрядового действия способствуют ритуальные специалисты — посредники между двумя мирами, владеющие особыми профессиональными знаниями и умениями. В звуковой сфере среднеуральской свадьбы таким специалистом является *вытница*, исполняющая плачи от лица невесты: *«Вытниса была. <...> Аксинья у нас была, по всей деревне ходила, она у каждой невесты всё вытниса была. <...> Она защитит на́перво, а потом и “Я во первые да во последние да / У родимой мамоньки...” <...> Она пела мотивом, пела своим»* (Зап. от Анны Хрисантьевны Колташовой, 1904 г.р., д. Колташи, Черемнынский с/с, Режевской р-н Свердловская обл. Соб. Т. И. Калужникова, Т. А. Дмитриева, О. И. Шилова. 1987 г.)

[ФА КНМ УГК. Ф. Режевской район — 1987. № 4. Кассета 76].

Важно, что вытница наделена иным, по сравнению с главной героиней, статусом: это представитель «взрослых» либо «стариков», т. е. групп традиционного коллектива, соотносящихся с более поздними фазами жизненного цикла и обладающих жизненным опытом, который необходим для исполнения порученной им обрядовой роли.

Проявлением дуальности социального контекста ритуала служит дифференциация участников на «своих» и «чужих». При этом, по замечанию Г. А. Левинтона, «...правый член оппозиции может читаться двояко: *чужой* — “нечеловеческий, враждебный, опасный” и *чужой* — “нечеловеческий, чудесный”, и обе эти оценки: “положительная” (“чудесный”) и “отрицательная” (“враждебный”) актуализируются, сосуществуют в свадьбе» [Левинтон 1991, 213, 214]. Однако рассматриваемая оппозиция актуальна не для всех этапов действия: если до венца она играет важную роль, что отражено в причетной поэзии, то после венца постепенно теряет свое значение.

В свете идеи ритуального взаимообмена, совершающегося в ходе свадьбы, может быть интерпретировано противопоставление «отдающие — получающие». Существенно, что обменные отношения проявляются в рамках обоих переходов — вертикального (переход жениха и невесты из группы брачноспособной молодежи в группу женатых и замужних) и горизонтального (переход невесты из одной семьи в другую, из своего дома в чужой дом), составляющих «сюжетную» основу свадьбы. Функцию отдающих принимают на себя девушки — представители младшей возрастной группы из «партии» невесты (подчеркнем, что именно они, исполняя групповые причитания, выражают точку зрения главной героини),

а получающих — представители старшей возрастной группы из «партии» жениха (состоящие в браке члены женихова общества) [Байбурун 1993, 199].

Для *коммуникативного контекста* бытования фольклорного текста характерно наличие адресанта (исполнитель как отправитель сообщения) и адресата (получатель сообщения)⁷. Разные виды свадебных причитаний закрепляются за определенными исполнительскими составами. Так, групповое «вытьё» поется незамкнутыми территориальными ансамблями девушек, которые принадлежат к той же половозрастной группе, что и героиня действия, а индивидуальные плачи — невестой, ее матерью либо наемной плакальщицей — вытницей.

В процессе фольклорной коммуникации адресант и субъект (персонаж, от чьего имени строится сообщение) чаще всего совпадают. К примеру, в сольных плачах адресант «я» всегда идентичен субъекту фольклорного высказывания. Однако бывают случаи, когда коллективный адресант (ансамбль) озвучивает речь индивидуального субъекта. Именно так обстоит дело в коллективных причитаниях, где от лица невесты «воют» ее подруги.

При совместном звучании групповой и одиночной причеты голос субъекта высказывания (центрального персонажа свадьбы) как бы удваивается: девушки облачают его в ансамблевую форму, невеста — в сольную. Вместе с тем, как отмечает Б. Б. Ефименкова, многоголосные голошения подруг есть «отражение позиции общины, мира, а в их лице — незыблемости каких-то коллективных начал, подчиняющих отдельную личность уготованному ходу вещей», тогда как индивидуальные являются формой «выражения личного горя» [Ефименкова 1980, 13]⁸.

Адресаты⁹ в ансамблевом «вытьё» и сольных плачах тождественны.

⁷ Основные параметры речевой, в том числе и фольклорной, коммуникации обозначены в работах: [Адоньева 2004, 241–246; Бюлер 1993, 34–38; Лотман 1992, 77; Якобсон 1975, 198].

⁸ См. об этом также: [Ефименкова 1995].

⁹ О разных типах адресатов обрядовых текстов пишет С. М. Толстая: «Можно говорить по крайней мере о трех типах адресатов: 1) непосредственном адресате обрядовой ситуации, т. е. одном из участников обряда, к которому обращен текст.... 2) адресате, обозначенном и названном в самом тексте (это может быть не только реальное обрядовое лицо, но и Бог, святой, персонифицированный праздник, демонологический персонаж, предмет — объект или орудие действия), 3) некоем абсолютном адресате, т. е. высшей силе, к которой апеллирует в конечном счете любой обрядовый текст заклинательного характера» [Толстая 1992, 36].

В качестве индивидуальных адресатов выступают отец, мать, крестная, сестра, брат, тетка невесты, в качестве групповых — обычно подруги. Нетрудно заметить, что все они — члены невестинной общины, отношения с которыми изменяются в результате совершения обряда. При исполнении свадебных причитаний реализуются две модели (схемы) коммуникации: «я» — «он/она» (межличностная) и «я» — «они» (лично-групповая).

Помимо перечисленных аспектов, касающихся прагматики фольклорных текстов, назовем еще один. И.И. Земцовский предлагает обозначать его термином «исполнительское общение» [Земцовский 1984].

В ряде работ, посвященных бытовой музыке, отмечается влияние коммуникационных параметров на ее стилистику, где «непосредственно отпечатываются возможности музыкальных инструментов, исполнительский состав и собственно пространственные условия. Под воздействием этих детерминант естественным образом и складывается структура звуковой ткани...» [Назайкинский 1982, 84]. Изложенное означает, что в фольклорном тексте характер исполнительского общения, запечатленный в интонировании, передается, прежде всего, через организацию звуковой ткани. Напомним в связи с этим фрагмент статьи «запевать, запеть» из Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля: «Запевала *затягивает*, голоса *пристают* и вторят, подголоски *подхватывают*, один высокий *заливается*, другой *вынудит*, заканчивает в одиночку» [Даль 1978, 625].

Как полагает И.И. Земцовский, при рассмотрении характера исполнительского общения следует учитывать «отсутствие запевалы или сменяющихся запевал, ролевую функцию участников хора, иерархию партий или групп голосов, ансамблевое соотношение голосов по мелосу, ритмике, слововедению, типу фактуры и прочему, а также стабильные и мобильные связи в голосах хора, осознание — неосознание того или иного сочетания голосов — в одновременности и последовательности, рядом и на расстоянии

и многое другое» [Земцовский 1984, 148, 149]¹⁰. Надо сказать, что отдельные наблюдения, связанные с обозначенными позициями, «разбросаны» по многим музыкально-фольклористическим работам. Таков, к примеру, тезис Е.В. Гиппиуса о связях механизма октавных дублировок подголосочных пучков в севернорусских многоголосных стилях с половозрастной организацией певческого ансамбля: «Принцип октавных удвоений и утроенный представляет явление стадияльное, восходящее к древнейшей практике совместного пения различных половозрастных групп» [Гиппиус 1948, 95]. Таковы и положения, сформулированные Т.С. Рудиченко в монографии о донской казачьей традиции. По словам исследователя, «...основополагающая оппозиция социального устройства *мужское/женское* у донских казаков ясно выражена и в стереотипах многоголосия. Если доминирующей формой пения женской традиции является гетерофония, то мужской стереотип связан преимущественно с полифоническим темброво-дифференцированным многоголосием» [Рудиченко 2004, 162]. Доминантным признаком мужского казачьего пения автор считает «диалогичность», которая проявляется в индивидуализированном «интонационном поведении» певцов: «Автономность голосовых партий лучше всего слышна внутри ансамбля в момент пения, когда ключевые слова произносятся с разной интонацией: запевала «воскликает», «утверждает», сублидер — «сомневается», «возражает», «задает риторические вопросы», «жалуется». Так образно можно представить себе их взаимодействие» [Рудиченко 2004, 169].

Показательно, что В.В. Медушевский, размышляя о других художественных явлениях, приходит к сходному выводу об отражении в музыкальной фактуре особенностей отношений человека с миром и другими людьми: «О мирочувствии музыки говорят смысловые отношения между голосами» [Медушевский 1993, 114].

В связи с исполнительским общением, характерным для свадебного «вытья» Среднего Урала, важно акцентировать

¹⁰ Проблема исполнительского общения пока только поставлена, но не изучена детально. Понятно, что в рамках настоящей статьи она не может получить сколько-нибудь подробного освещения, хотя упоминание о ней в связи с избранным предметом исследования представляется необходимым.

внимание на двух моментах. Первый касается строения многоголосия в групповых причитаниях. Их гетерофонной звуковой ткани свойственны компактность, гармоничная сбалансированность элементов, невыделенность отдельных слоев из общего континуума, однородность во всех аспектах — темброво-артикуляционном, громкостном, регистровом, мелодическом, ритмическом. Хотя местные жители поразному обозначают нижнюю и верхнюю линии многоголосия, называя их «толстым» и «тонким» голосами, однако сколько-нибудь значительные несовпадения им несвойственны. Так, обеим линиям присущи идентичные темброво-артикуляционные характеристики (использование женских голосовых тембров, базирующихся на одинаковых способах звукообразования), динамическая уравновешенность, пространственная слитность и регистровая одноплановость (интонирование в нижнем и среднем голосовых регистрах, преобладание нешироких консонирующих интервалов между линиями). Исключение составляют образцы с октавным удвоением

нижнего слоя, где благодаря сопоставлению регистров и незаполненности звукового пространства в структуре ткани возникает двуплановость. Рассматриваемому многоголосию свойственна мелодическая и ритмическая цельность, которая проявляется в вариантных отношениях, а иногда — в отношениях тождества между линиями. Ввиду того что развернутые сольменные запевы в ансамблевых голошениях отсутствуют, функция запевалы рельефно не выделена. Если не учитывать минимальных расхождений, синхронно и слововедение у всех участниц ансамбля.

Все это позволяет считать, что исполнительское общение, отраженное в звуковой ткани групповой свадебной причеты, организовано на основе принципов монологичности и гомогенности. По составу участников и характеру их взаимодействия в процессе пения общение такого типа представляет собой коллективный монолог. Составляющим его звуковым высказываниям свойственно тождество либо близкое сходство половозрастных (девушки), социальных (представительницы младшей

♩ = 58

Па ла-па ла да со (о) не ба зве (э) зда да,

По... по тре сла ся да ма (а)ть сы ра зе (э) мля да,

Вско... вско лы ба ло ся мо (о) рё да си нё (о) ё да,

Встре... встре пе ска ла ся ры... ры ба да бе ла (а) я да.

Нотный пример 1. Групповое причитание девушек, исполняется на просватание и на обручение, когда отец невесты зажигал свечу перед иконами¹¹

Musical Score 1. Group Lament by Maidens, Performed during Betrothal, when Bride's Father Switched a Candle before the Ikons

¹¹ Зап. от Татьяны Алексеевны Костаревой, 1910 г.р., Антонины Александровны Пузьяновой, 1912 г.р., с. Абрамовское, Щелкунский с/с, Сысертский р-н, Свердловская обл. Соб. М. Г. Казанцева, О. Л. Мальцева, И. В. Неклюдова, Н. И. Рябкова, О. В. Шафоростова, О. И. Шилова. 1983 г. Нот. Е. Н. Моргуновой [ФА КНМ УГК. Ф. Сысертский район — 1983. № 10. Катюшка 171].

страты невестиного сообщества), вербальных и музыкальных (фактурная, интонационная, темброво-артикуляционная, динамическая однородность многоголосной ткани) характеристик. В смысловом плане подобное исполнительское общение можно трактовать как выражение согласия, лада, причастности к некой общей идее, которая сплачивает участниц совместного певческого действия (см. нотный пример №1).

Второй момент обусловлен дифференциацией свадебных причетных музыкально-поэтических текстов на ансамблевые

и сольные. Таким способом маркируется противопоставление коллектива и выделенного из него на время обряда, а потому занимающего маргинальное положение индивида (в данном случае невесты). Особенно яркую форму такое противопоставление приобретает при одновременном звучании групповой и сольной причеты, где контрастны все элементы названных текстов (звучовая ткань в целом, мелодика, ритм, тембр, регистр, динамика, а иногда и вербальный ряд): «Ох, она долго прищитала! Она слезами ревет,

♩ = 246
(Невеста)
Со во_сто_чной да со сто_ро_ну_шки Да по_дни_ма_ли_ся да ве_тры бу_йны_е.

♩ = 60
(Девушки)
Со во_сто_чно_ю да со сто_ро_ну_шки
По_дни_ма_ли_ся да ве_тры бу_йны_е,
Ох, за_ка_та_ли_ся ту_чи те_мны_е.
За_ка_та_ли_ся ту_чи те_мны_е.
Ой, ра_ско_ли_ся, да мать сы_ра зе_мля,
«Ра_ско_ли_ся - ко, да мать сы_ра зе_мля,

Нотный пример 2. Групповое причитание девушек с сольным плачем невесты, исполнялось на могиле матери невесты-сироты накануне обручения и за воротами дома невесты-сироты в период от просватания до обручения¹²

Musical Score 2. Group Lament by Maidens with the Bride's Solo Lament, Being Performed at the Grave of the Orphan Bride's Mother on the Eve of Betrothal and during the Period between Preliminary and Final Betrothal outside of the Gateway of the Orphan Bride's House

¹² Зап. от Анфисы Никифоровны Бабушкиной, 1909 г.р., Евгении Петровны Кирилловой, 1914 г.р., Прасковьи Ильиничны Костаревой, 1916 г.р., Анны Ивановны Медведевой, 1914 г.р., Прасковьи Федоровны Мурашовой, 1906 г.р., Марии Семеновны Паздниковой, 1909 г.р. Соб. М.Г. Казанцева, О.Л. Мальцева, И.В. Неклюдова, Н.И. Рябкова, О.В. Шафоростова, О.И. Шилова. 1983 г. Нот. Н.И. Водяниковой [ФА КНМ УТК. Ф. Сысертский район — 1983. № 9. Катужка 170].

и девки поют, а она под мотив-от слезами ревет. <...> Ну, слова эти она тоже всё повторят, невеста-та... Она шибко редела» (Зап. от Клавдии Петровны Тулицыной, 1911 г.р., с. Полдневая, Полевской г/с, Свердловская обл. Соб. Т.И. Калужникова, М.Г. Казанцева, Е.Н. Вершинина. 1983 г.) [ФА КНМ УГК. Ф. Полевской горсовет — 1983. № 6. Катюшка 162] (см. нотный пример № 2).

Несколько особняком в прагматическом плане стоят причитания, озвучивающие специфические эпизоды сиротского свадебного обряда: «вытье» на кладбище, иногда — за воротами дома либо на берегу водоема. Одно из качеств сироты состоит в ее способности общаться с миром мертвых. Именно такую функцию выполняют голошения на сиротской свадьбе: они способствуют установлению контактов девушки с умершими родителями и получению от них заочного благословения на брак. Как полагают А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон, подобная причеть по своим мотивам и функциям — похоронная, а не свадебная. Обращения иницируемой к покойным родителям и посещение кладбища представляют собой «...одновременно восполнение недостающих компонентов свадьбы — ритуальных действий родителей — и в то же время завершение похоронного обряда — похорон родителей и их поминания» [Байбурин, Левинтон 1990, 88]. К аналогичному выводу приходит и М. А. Енговатова, анализируя смоленскую сиротскую свадьбу. Исследователем обнаружен в ней особый «сиротский текст», вызывающий аналогии с похоронным ритуалом. По ее словам, этот текст — «своеобразные поминки, встроенные в свадьбу», отчего «всю сиротскую свадьбу следует оценивать как уникальный симбиоз свадебного и похоронного ритуалов» [Енговатова 2008, 280].

Во всех эпизодах ритуала, куда включается причеть, контексты ее функционирования остаются неизменными. Социальный контекст везде представляют невеста,

девушки (члены покидаемого главной героиней коллектива, обладающие статусом младших), мать и вытница (старшие из своего для девушки сообщества). В ментальном контексте сохраняется единство выраженной в причитаниях негативной точки зрения на брак, обусловленное интерпретацией начальной фазы свадьбы как символического умирания иницируемой персоны, в коммуникативном — сочетание индивидуальной и ансамблевой форм высказывания.

Обобщая приведенные наблюдения, полученные на материале свадебных причитаний, обозначим ряд аспектов, которые, на наш взгляд, целесообразно учитывать при изучении прагматики разных жанров обрядового вокального фольклора:

а) определение общей прагматической установки и доминантной функции текста;

б) выявление связей между его функцией и семантикой;

в) анализ контекстов — ментального (корреляция смыслового наполнения фольклорного высказывания с ключевыми концептами традиционной картины мира, отражение в нем определенной точки зрения на содержащееся сообщение), социального (обозначение пола, возраста, общественного статуса действующих лиц, участвующих в восприятии, воспроизведении и интерпретации текста), коммуникативного (описание участников обрядового контакта и реализуемой в нем коммуникационной модели, характеристика исполнительского общения);

д) рассмотрение этнографической ситуации функционирования (координация с определенными кодами, семантическими линиями, фазами, эпизодами ритуала).

Более того, представляется, что выделенные аспекты могут служить основой для исследования прагматики не только обрядовых, но и необрядовых фольклорных жанров. При этом в каждом конкретном случае необходима поправка на специфику жанра и особенности региональной традиции, в которой он бытует.

Литература

Адоньева 2004 — Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Байбурин, Левинтон 1990 — Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд: Сб. ст. / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990. С. 64–99.

Бахтин 1997 — Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: В 7 т. Т. 5.

- Работы 1940-х — начала 1960-х гг. М., 1997. С. 159–206.
- Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Типшиус 1948 — *Типшиус Е. В.* О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII — начале XIX века // Советская этнография. 1948. № 2. С. 86–104.
- Даль 1978 — *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1978.
- Деятельность 1990 — Деятельность: теории, методология, проблемы: Сб. ст. / Сост. И. Т. Касавин. М., 1990.
- Енговатова 2008 — *Енговатова М. А.* Сиротская свадьба Смоленщины в системе обрядов жизненного цикла // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Матер. Междунар. науч. конф., (Москва, 2008. М., 2008). С. 272–280.
- Ефименкова 1980 — *Ефименкова Б. Б.* Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М., 1980.
- Ефименкова 1995 — *Ефименкова Б. Б.* Опозиция невеста/девушки в музыкальном коде севернорусской свадьбы // Голос и ритуал: Матер. конф., (Москва, май 1995). М., 1995. С. 94–99.
- Земцовский 1984 — *Земцовский И. И.* О природе фольклора в свете исполнительского общения // Искусство и общение: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Э. В. Леонтьева. Л., 1984. С. 142–150.
- Земцовский 1981 — *Земцовский И. И.* Социальное и музыкальное: От форм музицирования к формам музыки // Сов. музыка. 1981. № 1. С. 84–88.
- Калужникова 2013 — Причитания и песни традиционной уральской свадьбы: Исследование, тексты, аудиоприложение / Изд. подготовлено Т. И. Калужниковой. Екатеринбург, 2013.
- Калюжная 2008 — *Калюжная В. П.* Южно-смоленская свадьба междуречья Десны и Сожа: Дис. ... канд. искусствоведения М., 2008.
- Колесницкая, Телегина 1977 — *Колесницкая И. М., Телегина Л. М.* Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. Связь фольклора с древними представлениями и обрядами: Сб. ст. / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1977. С. 112–122.
- Коновалова 2007 — *Коновалова Н. И.* Сакральные текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург, 2007.
- Левинтон 1991 — *Левинтон Г. А.* Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения: Сб. ст. / Отв. ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб., 1991. С. 210–234.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Избр. ст.: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 76–89.
- Медушевский 1993 — *Медушевский В. В.* Интонационная форма музыки. М., 1993.
- Назайкинский 1982 — *Назайкинский Е. В.* Логика музыкальной композиции. М., 1982.
- Невская 1990 — *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд: Сб. ст. / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990. С. 135–146.
- Рудиченко 2004 — *Рудиченко Т. С.* Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д, 2004.
- Толстая 1992 — *Толстая С. М.* К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // Образ мира в слове и ритуале. М., 1992. С. 33–45. (Балканские чтения - I).
- Толстая 2010 — *Толстая С. М.* Мотив расставания с волей/красотой в севернорусской свадебной причети: поэтика и мифология // «Уведи меня, дорога»: Сб. ст. памяти Т. А. Бернштам / Под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман и др. СПб., 2010. С. 151–160.
- Успенский 1995 — *Успенский Б. А.* Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 9–218.
- Якобсон 1975 — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М., 1975. С. 193–229.

Сокращения

ФА КНМ УГК — Фольклорный архив Кабинета народной музыки Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского: Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 26; тел.: + 7 (343) 371-21-80; e-mail: tkalugnikova@mail.ru

PRAGMATICS OF WEDDING LAMENTATION IN THE MIDDLE URALS

TAT'YANA KALUZHNIKOVA

(Uralic State Conservatoire named after M. P. Mussorgskiy: 26, Lenin av.,
Ekaterinburg, 620014, Russian Federation)

Summary. This article reveals several aspects of wedding lamentation pragmatics in the Middle Urals. Pragmatic strategies deal with reproduction of the course of events, that is prescribed by tradition in order to achieve desired results, and with dominant functions of this genre, namely marking initial stages of transitions by the bride and signifying her symbolic death from previous position and status and with human activity in lament.

Reproduction, interpretation and perception of laments are carried out via subject activity of female rite participants (girls and women perform group lamentations, whereas the bride, her mother and a hired lamenter perform individual lamentations. Correlation between functions and semantics of musical-poetic texts is manifested via poetic images of destruction, emphasized with slow ascetic swirl tunes of group lamentations or expressive solo lamentations rising to speech crying. Pragmatics deals with several contexts as well. Mental context manifests semantic relationship between lamentations including key concepts of the traditional world view opposite to individual focalization by subjects of utterance. Social context emphasizes age, gender and social roles of participants of wedding ritual. Communicative context characterizes participants of the ritual contact, chosen model of communication model and type of performers intercourse. Ethnographical situations of functioning emphasizes coordination of laments with certain semantic codes and phases (episodes) of the traditional ritual. The author's supervisions over the material of wedding lamentation can be used for the study of pragmatics of different genres of ceremonial vocal folklore.

Key words: wedding lamentation, pragmatic prescription, function, semantic, contexts, ethnographic situation.

References

- Adon'eva S. B.** (2004) Pragmatika fol'klora [Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg. In Russian.
- Bayburin A. K.** (1993) Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture. Structural-Semantic Analysis of the East-Slavic Rituals]. St. Petersburg. In Russian.
- Bayburin A. K., Levinton G. A.** (1990) Pokhorony i svad'ba [Funeral and Wedding]. Ivanov Vyach. Vs., Nevskaya L. G. (eds.). *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyy obryad* [Studies in the Sphere of the Baltic-Slavic Spiritual Culture. The Funeral Rite. Collected Papers]. Moscow. Pp. 64–99. In Russian.
- Bakhtin M. M.** (1997) Problema rechevykh zhanrov [Problem of Speech Genres]. *Collected Works* in 7 vol. Vol. 5. Moscow. Pp. 159–206. In Russian.
- Byuler K.** (1993) Teoriya yazyka: Reprezentativnaya funktsiya yazyka [Language Theory: Representative Theory of Language]. Moscow. In Russian.
- Gippius E. V.** (1948) O russkoy narodnoy podgolosochnoy polifonii v kontse XVIII — nachale XIX veka [About Russian Folk Supporting Voice Polyphony in the end of the 18th — the beginning of the 19th Century]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1948. № 2. Pp. 86–104. In Russian.
- Dahl' VI. I.** (1978) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Alive Great-Russian Language]. In 4 vol. Moscow. In Russian.
- Engovatova M. A.** (2008) Sirotskaya svad'ba Smolenshchiny v sisteme obryadov zhiznennogo tsikla [Smolensk Province Orphan Wedding in the Ritual System related to the Life Circle]. *Traditsionnye muzykal'nye kul'tury na rubezhe stoletiy: problemy, metody, perspektivy issledovaniya: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Traditional Musical Cultures on the Boundary of Centuries: Problems, Methods, Perspectives of Research: Proceeding of the International Scholarly Conference]. Moscow. Pp. 272–280. In Russian.
- Efimenkova B. B.** (1980) Severnorusskaya prichef. Mezhdurech'e Sukhony i Yuga i verkhov'ya Kokshengi (Vologodskaya oblast') [Northern-Russian Lament. Interfluvium of Sukhona, Yuga and Upper Koksenga the rivers in Vologda Province]. Moscow. In Russian.
- Efimenkova B. B.** (1995) Opozitsiya nevesta/devushki v muzykal'nom kode severorusskoy svad'by [Opposition between Bride and Maidens in the Music Code of Northern-Russian Wedding]. *Golos i ritual: materialy konf., Moskva, may 1995* [Voice and Ritual: Proceeding of the Confe-

rence in Moscow, may 1995]. Moscow. Pp. 94–99. In Russian.

Yakobson R. (1975) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Ed by Basin E. Ya., Polyakov M. Ya. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: Pro et Contra: Collected Papers]. Moscow. Pp. 193–229. In Russian.

Kalyuzhnaya V. P. (2008) *Yuzhnosmolenskaya svad'ba mezhdurech'ya Desny i Sozha: Dis. ... kand. iskusstvoved* [South-Smolensk Wedding: Interfluvium of Desna and Sozha the rivers. PhD Thesis (Arts)]. Moscow. In Russian.

Kasavin I. T. (ed.) (1990) *Deyatel'nost': teorii, metodologiya, problemy* [Activity: Theory, Methodology, Problems. Collected Papers]. Moscow. In Russian.

Kolesnitskaya I. M., Telegina L. M. (1977) *Kosa i krasota v svadebnom fol'klоре vostochnykh slavyan* [A Plait and the Beauty in the Wedding Folklore of the Eastern Slavs]. *Fol'klор i etnografiya. Svyazi fol'klора s drevnimi predstavleniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. Folklore's Connections with Ancient Concepts and Rituals. Collected Papers]. Ed. by Putilov B. N. Leningrad. Pp. 112–122. In Russian.

Konovalova N. I. (2007) *Sakral'nyy tekst kak lingvokul'turnyy fenomen* [Sacral Text as a Linguistic and Cultural Phenomenon]. Ekaterinburg. In Russian.

Levinton, G. A. (1991) *Muzhskoy i zhenskiy tekst v svadebnom obryade (svad'ba kak dialog)* [Male and Female Texts in Wedding Ritual (Wedding as a Dialogue)]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior: Collected Papers]. Ed by Baiburin A. K., Kon I. S. St. Petersburg. Pp. 210–234. In Russian.

Lotman Yu. M. (1992) *O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury* [About two Models of Communication in the System of Culture]. *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Papers of Semiotics and Culture Typology]. Selected Works in 3 vol. Vol. 1. Tallin. Pp. 76–89. In Russian.

Medushevskiy V. V. (1993) *Intonatsionnaya forma muzyki* [Intonation Form of Music]. Moscow. In Russian.

Nazaykinskiy E. V. (1982) *Logika muzykal'noy kompozitsii* [Logic of Musical Composition]. Moscow. In Russian.

Nevskaya L. G. (1990) *Balto-slavyanskoe prichitanie: rekonstruktsiya semanticheskoy struktury* [Baltic-Slavic Lament: Reconstruction of the Semantic Structure]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Pogrebal'nyy obryad* [Studies in the Sphere of the Baltic-Slavic Spiritual Culture. The Funeral Rite. Collected Papers]. Ed by Ivanov Vyach. Vs., Nevskaya L. G. Moscow. Pp. 135–146. In Russian.

Kaluzhnikova T. I. (ed.) (2013) *Prichitaniya i pesni traditsionnoy ural'skoy svad'by: issledovanie, teksty, audioprilozhenie* [Laments and Songs of the Traditional Uralic Wedding: Studies, Texts, Audio-Attachment]. Ekaterinburg. In Russian.

Rudichenko T. S. (2004) *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitiy* [Don Kossack Song in its Historical Development]. Rostov-na-Donu. In Russian.

Tolstaya S. M. (2010) *Motiv rasstavaniya s vol'ey/krasotoy v severno-russkoy svadebnoy pricheti: poetika i mifologiya* [Parting with the Will — the Beauty in the Northern-Russian Wedding Lamentation: Poetics and Mythology]. «*Uvedi menya, doroga*»: sb. st. pamyati T. A. Bernshtam [Lead me away, oh Road. In the memory of Tatyana Bernshtam]. Ed by Mazalova N. E., Vinokurova I. Yu., Lapin V. A., Fishman O. M. et al. St. Petersburg. Pp. 151–160. In Russian.

Tolstaya S. M. (1992) *K pragmaticheskoy interpretatsii obryada i obryadovogo fol'klора* [Towards Pragmatic Interpretation of Rituals and Ritual Folklore]. *Obraz mira v slove i ritual* [Concept of the World in Words and Rituals]. *Balkanskie chteniya I* [Balkan Readings I]. Moscow. Pp. 33–45. In Russian.

Uspenskiy B. A. (1995) *Poetika kompozitsii* [Composition Poetics]. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Arts]. Moscow. Pp. 9–218. In Russian.

Zemtsovskiy I. I. (1984) *O prirode fol'klора v svete ispolnitel'skogo obshcheniya* [About the Nature of Folklore in the Light of Performers' Intercourse]. *Iskusstvo i obshchenie* [Arts and Intercourse: Collected Scholarly Works]. Ed by Leont'ev E. V. Leningrad. Pp. 142–150. In Russian.

Zemtsovskiy I. I. (1981) *Sotsial'noe i muzykal'noe: Ot form muzitsirovaniya k formam muzyki* [Social and Musical: From Music-Making to Music Forms]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet Music]. 1981. No. 1. Pp. 84–88. In Russian

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: tkalugnikova@mail.ru

Tel.: + 7 (343) 371-21-80

26, Lenin av., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation

Full Professor (Arts), professor of music history department, Uralic State Conservatoire named after M. P. Musorgskiy
